

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-32-63

УДК 94; 327

Эмил Ворачек

Чехословакия и сентябрьский кризис 1938 г. «Только СССР имеет... чистые руки»

Voráček E. Československo a zářijová krize 1938. “Tolko SSSR imejet ... čistyje ruki”

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших аспектов темы Мюнхенского кризиса — позиции СССР, его действиям и возможностям как союзника Чехословакии. Тема исследуется в широком международном контексте. Опираясь на внушительный пласт новых архивных источников, обобщая и анализируя предыдущие исследования, автор подробно рассматривает поведение Москвы на каждом этапе и в каждом аспекте кризиса. Анализ дипломатической переписки и впервые вводимые документы позволяют судить о мотивации главных действующих лиц, уточнить детали дипломатической игры, которую вели различные государства, проследить ответную реакцию Советского Союза.

Ключевые слова: Мюнхенский кризис, Чехословацкий кризис 1938 г., Мюнхенское соглашение, Э. Бенеш, внешняя политика СССР, советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

Исследование борьбы Чехословакии за существование под давлением нацистской Германии в 1938 г. охватывает целый комплекс внешнеполитических направлений, которые невозможно подробно проанализировать в рамках одной статьи¹. Особую роль играет деятельность главного проводника и стратега внешней политики Чехословакии Э. Бенеша, его переговоры с союзниками. Однако картина не будет полной, если выпустить из вида переговоры внутри страны, а также политику других государств, прежде всего восточного союзника в лице СССР².

1 Из многочисленной чешской и зарубежной литературы необходимо упомянуть полемическое исследование Й. Деймека, в котором приводится и другая библиография. [Dejmek. K československo-sovětským... s. 80–105].

2 Я выражаю благодарность российскому историку Н.А. Нарочницкой за предоставление документов из фондов РГАСПИ, о которых речь пойдет далее, а также за чистосердечное сотрудничество и консультации в исследовании проблематики 1930-х годов.

Сведения об авторе: Эмил Ворачек (Emil Voráček) — ведущий научный сотрудник Института истории Академии наук Чешской республики (Прага), доктор философии, доктор исторических наук; evoracek@seznam.cz.

С самого начала следует отметить, что в Чехословакии соответствующие документы были опубликованы в 1950-е годы и в основном все фонды и документы доступны. Аналогичным образом дело обстоит во Франции, Великобритании, Германии, Польше. Однако с учетом объема архивных фондов и степени их разработки не приходится сомневаться, что кое-что осталось неизученным. В современной России ситуация несколько иная. На смену эйфории по поводу открытия огромного массива документов после распада Советского Союза в 1991 г. (так называемой «архивной революции») вновь пришел период ограничения доступа и медленного рассекречивания остающихся закрытыми документов.

Возможно, ни один другой аспект истории Чехословакии не был столь многократно разобран несколькими поколениями историков. Официальная историческая наука эпохи социализма упрощенно подчеркивала классовую обусловленность политики Бенеша. Период ослабления цензуры в 1960-х годах привнес в освещение проблемы более реалистичные подходы, предложенные прежде всего рядом молодых исследователей. Живущие на Западе чехословацкие историки (в том числе И. Пфафф, И. Лукеш, Й. Хохманн) опубликовали в 1980–1990-е годы ряд работ, которые, несмотря на спорные моменты, внесли полезный вклад в исследования. Многие из этих трудов были переведены и опубликованы в Чехословакии после «бархатной революции» 1989 г.

Возможности для изучения темы значительно расширились после падения социализма, когда стали доступны практически все соответствующие архивные фонды Чехословакии. Исследовательской глубиной, объемом и скрупулезностью выделяются труды Й. Деймека. Особенно следует отметить принадлежащую его перу обширную биографию Э. Бенеша, где подробно рассматриваются действия президента в сентябре 1938 г. Нельзя не упомянуть и ряд других авторов, в первую очередь Р. Квачека.

В советской исторической науке долгое время господствовало представление об однозначной готовности Советского Союза прийти на помощь Чехословакии, с соответствующим идеологическим обоснованием. В период перестройки и особенно после распада СССР картина постепенно становилась более реалистичной и вполне свободной от прежних идеологических клише. Был издан целый ряд новых документов. Однако мнения отдельных авторов подчас сильно расходятся. В то время как, например, историк из Института славяноведения РАН С.З. Случ высказывает глубокий пессимизм по поводу готовности СССР прийти Чехословакии на помощь, исследователь из того же института В.В. Марьина реалистически подходит к исследованию этого вопроса.

Большой утратой стал трагический уход из жизни молодого исследователя О.Н. Кена (1960–2007), который первым из российских авторов стал опираться на изучение как российских, так и западных архивных документов и литературы. Он постепенно перешел к более концептуальным и теоретически обоснованным оценкам советской внешней политики в 1930-е годы [Кен]. Бывший депутат Государственной Думы Н.А. Нарочницкая подчеркивала в своих работах не только готовность, но и решимость СССР помочь маленькой демократической стране в центре Европы [Нарочницкая Великие войны... Также см.: Нарочницкая Партитура...]. Это подтверждали-

демарши советской дипломатии (1937–1938 гг.), стремившейся углубить политику коллективной безопасности, которую окончательно вытеснило из повестки дня Мюнхенское соглашение.

Сегодня в мировой историографии по данной теме можно отметить ряд исследований, которые основываются на фундаментальном труде Дж. Хэслема по проблематике коллективной безопасности в 1930-х годах. В частности, следует обратить внимание на канадского историка М.Дж. Карли, особенно на его последнюю работу с красноречивым названием «Только СССР имеет чистые руки» [Карли]. Недавно ставшие доступными архивные документы позволяют более объективно подойти к теме Мюнхенского кризиса, поставить новые вопросы, подтвердить или по-иному истолковать прежние исследования.

В ходе заключительной «шахматной партии» дипломатов в преддверии Второй мировой войны, при растущем давлении со стороны «динамических диктатур» Германии и Италии, в условиях возрастающего стресса, дело не обходилось, конечно, без ошибок отдельных участников. Влияние имели также их личные качества, объяснявшие порой слишком оптимистичные оценки политики той или иной стороны. Так было, например, в случае с чехословацким послом в Советском Союзе Э. Фирлингером, которого сами советские дипломаты неоднократно предостерегали против искажения позиций советской дипломатии. Конечно, даже у союзников не было абсолютной уверенности ни в чем, а информация, которая циркулировала между Э. Бенешем и советским руководством, была неполной. Как свидетельствуют недавно обнаруженные чешскими историками документы (в первую очередь в Архиве внешней политики РФ в Москве), советской стороне было свойственно отсутствие координации. Сам посол в Чехословакии С.С. Александровский осторожно жаловался на недостаток сведений. В частности, информация о контактах между военными, а также о торговых отношениях часто шла мимо него.

К сожалению, даже сегодня у нас нет доступа ко всем документам, которые могли бы осветить и расшифровать отдельные шаги тогдашней великой игры вокруг независимости Чехословакии. Президент Э. Бенеш объективно рассматривал эту игру как часть неотвратимо приближавшегося крупного военного конфликта между миром демократии и его союзниками, с одной стороны, и правыми диктатурами, с другой. Вероятность большого мирового конфликта в середине 1930-х годов оценивалась им весьма высоко. Бенеш часто подчеркивал это в своих долгих беседах, в том числе с послом Александровским.

Уже 19 августа 1933 г. на первой встрече посла Александровского с Бенешем, тогда еще министром иностранных дел (он стал президентом в 1935 г.), глава чехословацкой дипломатии заговорил о перспективах Германии и Европы после избрания Гитлера на пост канцлера. Его прогноз, в изложении советских дипломатов, был следующим: «Гитлеровский режим основался в Германии на много лет. Этим Бенеш не хочет сказать, что гитлеризм стабилен или имеет жизненную почву и корни для своего существования. Наоборот. Через ряд глубочайших потрясений как внутренних, так и международных

Германия вернется к [...] демократизму, но это будет лет через десять-пятнадцать. Тем временем можно ожидать всего, вплоть до военных столкновений в Европе» [Запись разговора...]. Этот прогноз сбылся полностью.

До сего дня, кроме закрытых для исследователей документов (например, личных папок дипломатов, фондов коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и т.д.), недоступны также (за редким исключением) телеграммы, которыми НКВД обменивался с советскими послами за рубежом. Эти телеграммы (а их — в определенные периоды отправляли целыми пачками) помогли бы прояснить ряд загадок, которые до сих пор не дают пролить свет на развитие сентябрьского кризиса 1938 г. с точки зрения советско-чехословацких отношений и служат причиной жарких споров — не только историков, но и политически ангажированных журналистов. Телеграммы были основным средством информации в дни сентябрьского кризиса, и нам в мозаике источников их явно недостает.

В этой связи ценно открытие каждого документа, тем более — ключевого. Так обстоит дело и тогда, когда исследователям открывают документ, который ранее публиковался в дипломатических изданиях, но не вводился в научный оборот. В нашем конкретном случае это ответ советского руководства на два вопроса президента Бенеша, поставленные им 19 сентября 1938 г.¹ Ниже мы рассмотрим эти документы подробнее.

Наращение кризиса

Разумеется, публично советское руководство формулировало свои интересы несколько иначе, нежели они предстают из анализа внутренних дебатов, переговоров, стратегических концепций советской внешней политики. Основами последней были прагматизм и определенный политический реализм. Без глубокого знания этих внутренних оснований исследование внешней политики не может продвинуться далее. С точки зрения СССР, его действия частично ограничивал тот факт, что советская помощь Чехословакии, в случае нападения на нее, была привязана к предоставлению помощи ей со стороны Франции. Об этом советские лидеры неоднократно напоминали не только чехословацким, но и британским и французским представителям. 2 сентября 1938 г. в Москве народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов вновь подтвердил это французскому поверенному в делах Ж. Пайарту [Záznam o rozhovoru...]. Тем не менее нельзя отрицать последовательные усилия Советского Союза в целях укрепления политики коллективной безопасности с использованием всех имевшихся тогда внешнеполитических и международных механизмов и инструментов. В 1938 г. советское руководство предприняло и ряд дипломатических шагов в поддержку Чехословакии.

В более широком ракурсе нельзя игнорировать чрезвычайно важный для СССР дальневосточный контекст, повлиявший на сдержанный подход советского руковод-

¹ Копии документов, о которых будет далее идти речь, презентовала российский историк Н.А. Нарочницкая на конференции в Палате депутатов парламента Чехии в мае 2013 г.

ства к ситуации с безопасностью в Европе. С начала 1930-х годов напряженность на Дальнем Востоке росла, в основном из-за все более агрессивной политики Японии, превратившейся в милитаризованное государство. В 1931 г. она захватила китайскую Маньчжурию. С того времени японская армия находилась в непосредственном соприкосновении с советскими пограничными войсками. Летом 1938 г. серия незначительных столкновений завершилась нападением японских частей в районе озера Хасан, которое советские войска отразили ценой больших потерь. С точки зрения целостной картины важно, что Япония отвлекала на себя порядка одной шестой советских вооруженных сил. Естественно, что чехословацкая дипломатия внимательно следила за дальневосточными событиями.

Советское руководство вполне отдавало себе отчет в подходе Запада к росту напряженности в Центральной Европе. В письме Александровскому от 11 августа 1938 г. Литвинов писал: «Конечно, мы крайне заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, которая мешает гитлеровскому наступлению в юго-восточном направлении, однако без западных держав мы вряд ли можем предпринять что-то существенное. Они считают необходимым искать сотрудничество с нами, но при этом нас самих игнорируют и в отношении германо-чехословацкого конфликта решают все между собой. Нам неизвестны факты, что сама Чехословакия когда-либо напоминала своим западным друзьям о необходимости привлечения к процессу СССР» [Письмо М.М. Литвинова...11.08.1938]. Речь шла о том, что западные державы могли бы согласиться на участие СССР в решении европейских проблем, признать его равным партнером, который бы участвовал в важнейших конференциях, излагая свою точку зрения. Однако правительства, проводившие политику умиротворения, не желали этого. Пессимизм Литвинова основывался, в частности, на информации советского посла в Париже Я.З. Сурица и его лондонского коллеги И.М. Майского [Майский]. Они постоянно упоминали о соответствующем подходе западных держав. И Франция, и Великобритания, имевшие обширные колониальные империи и глобальные интересы, опасались СССР и коммунизма. Советская дипломатия вновь, как и в начале 1920-х годов, настаивала, чтобы Советский Союз воспринимали как равноправного партнера. Однако этого СССР не дождался ни тогда, ни позже, после Второй мировой войны. При этом Литвинов в инструкциях Александровскому указывал, что нежелательно открыто критиковать Англию и Францию: «В разговорах с Бенешем можете руководствоваться этими соображениями, не поддерживая, однако, слишком густо нашу незаинтересованность в европейских делах. Говорить в этом духе Вам будет теперь тем легче, что дальневосточный конфликт в данное время более или менее ликвидирован и нас нельзя упрекать больше в том, что мы увлеклись дальневосточными делами в забвении европейских интересов». Но реальность была далеко не такова.

Существенно недооцененным событием стала дискуссия на XIX сессии Генеральной Ассамблеи Лиги Наций в Женеве, которая непосредственно касалась Чехословакии. Сессия состоялась 21-го сентября 1938 г. По стечению обстоятельств переговоры в Лиге Наций совпали по времени с первой волной кризиса и давлением на Чехословакию со стороны Германии.

Хотя чехословацкий вопрос первоначально обсуждать не планировалось, он появился в повестке дня. Советскую делегацию возглавлял М.М. Литвинов. В нее входили послы во Франции и Великобритании Я.З. Суриц и И.М. Майский, а также А.Ф. Меркалов и А.М. Коллонтай. После ежегодного доклада генерального секретаря Лиги Наций (шотландца Дж. Э. Драммонда. — *Прим. пер.*) слово взял Литвинов, выступивший с пламенной речью в защиту Чехословакии.

Критикуя бездействие Лиги Наций, советский нарком апеллировал к тому, что организацию создали для защиты от агрессии, «чтобы заменить систему военных договоров, коллективных организаций, чтобы помочь жертвам агрессии» [ДВП. Т. XXI. Док. 357. С. 501], а она в этом плане ничего не сделала. «Абиссиния и Австрия потеряли свое самостоятельное существование, вследствие грубого насилия над ними, — говорил советский нарком. — Китай второй раз за семь лет стал жертвой японской агрессии и иностранного нашествия — Испания — уже третий год истекает кровью в результате вооруженного вмешательства в ее внутренние дела двух агрессоров». Под угрозой не скрываемой агрессии — находится Чехословакия, продолжал Литвинов, подчеркнув, что СССР всегда настаивал на том, чтобы Лига Наций максимально поддерживала жертв агрессии, и в частности, пытался организовать коллективное сопротивление аншлюсу Австрии, предотвратить агрессию Германии против Чехословакии и какие-либо уступки в ущерб чехословацким национальным интересам. Далее нарком заявил: «Избежать проблематической войны сегодня, и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетита ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе Пакта Лиги Наций» [Там же, с. 509].

Речь Литвинова встретила восторженное одобрение зала, в котором не было ни одного свободного места. Через день наркома телеграммой поздравил Сталин, лаконично заметивший: «Речь получилась у Вас замечательная» [Телеграмма...].

Подход СССР к росту напряженности в Европе, вымогательским методам Гитлера и интенсивной милитаризации Германии Литвинов открыто изложил постоянному представителю Чехословакии при Лиге Наций А. Гейдриху в беседе от 11 сентября 1938 г. Он сказал, что СССР считает войну неизбежной. Но зная, что Запад желает уничтожить Гитлера руками Сталина и Сталина руками Гитлера, СССР не намерен вступать в войну с самого начала. Советский Союз помнит, как в Первой мировой войне после битвы на Марне западные войска выжидали, когда немецкая армия ослабнет, ценой жизни миллионов русских солдат, до такой степени, что ее можно будет одолеть. Если Запад считает, что так будет и впредь, это в корне неправильно. Литвинов подчеркнул, что на этот раз именно СССР будет выжидать и работать над тем, чтобы добиться справедливого и прочного мира [Heidrich, s. 120].

Однако Москва выразила готовность оказать военную помощь Чехословакии в соответствии с соответствующими статьями Пакта Лиги Наций и советско-чехословацким договором 1935 г. Позиция СССР в значительной степени контрастировала с отношением к Чехословакии западных демократий, прежде всего союзной Франции. В то же

время Советский Союз, несмотря на сдержанное отношение к Чехословакии, заявлял о своей верности принятым обязательствам и пытался влиять на события, оказывая давление дипломатическими средствами — в частности, в связи с действиями Польши в сентябрьском кризисе 1938 г. (*Польша высказалась против возможности переброски Красной армии на помощь Чехословакии через свою территорию и начала военные учения возле советской границы. — Прим. пер.*).

Неудовлетворительное состояние чехословацко-советско-французского альянса и необеспеченность обороны Чехословакии перед лицом притязаний гитлеровской Германии были очевидны для всех заинтересованных сторон уже летом 1938 г. В 1938 г. советские представители неоднократно призывали Чехословакию и Францию к переговорам на уровне начальников генеральных штабов. Французское руководство заявило, что этот вопрос можно обсудить с военным атташе Франции в Москве. Чехословацкая сторона ответила аналогичным образом, несмотря на то, что руководство ее армии выразило готовность к переговорам. На данном этапе уже невозможно было рассчитывать на потенциальную военную помощь СССР, не предпринимая дальнейших шагов. Но такие шаги не последовали. Нужно было вести конкретные переговоры, но развитие внутривосточной ситуации в СССР и отношение к СССР западных держав создавали неблагоприятную атмосферу. Поле маневра для Чехословакии сузилось. Аншлюс Австрии в марте 1938 г. сделал ее положение еще более драматичным. Сохранившиеся барьеры во взаимоотношениях с Советским Союзом не улучшали ситуацию. А иное решение — в виде активного военного сотрудничества с Францией — не было должным образом обеспечено.

Даже в конце августа 1938 г. не было достигнуто никакого соглашения по ключевому вопросу о том, каким образом советские войска могли бы прийти на помощь Чехословакии. Польша, со своей стороны, вела себя по отношению к Чехословакии все более враждебно. Позиция Румынии, бывшего партнера Чехословакии по Малой Антанте, также не отличалась лояльностью в свете советских притязаний на Бессарабию.

СССР продолжал поддерживать Чехословакию дипломатически. Это выражалось не только в общих заявлениях наркома Литвинова о необходимости укрепления коллективной безопасности в Европе, но и в конкретных мерах в соответствии с договором 1935 г. Бесспорным и наиболее ценным вкладом СССР в оборону Чехословакии стала продажа 60 советских бомбардировщиков СБ-2, разработанных конструкторским бюро А.Н. Туполева (в чехословацкой маркировке Avia B-71)¹, поставленных в два приема весной 1938 г. Эти самолеты являлись самыми современными для той эпохи и в горизонтальном полете имели скорость на 30 км больше, чем чехословацкий истребитель Avia B-534. Одновременно началась подготовка к лицензионному производству в Чехословакии примерно 160 СБ-2 самолетов для чехословацкой авиации, но производство затягивалось и бомбардировщиков поставили слишком поздно, после сентября 1938 г. [См подробнее: Voráček].

1 А.Н.Туполев с 1922 г. руководил конструкторским бюро, занимавшимся разработкой морских, боевых и транспортных самолетов, торпедных катеров и аэросанов.

В первой половине сентября напряжение между Германией и Чехословакией стремительно нарастало. 19 сентября 1938 г. посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер по собственной инициативе попросил о встрече с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. В записи беседы приведены слова Фирлингера: «Чехословакия слишком многим рискует, воздерживаясь от мобилизации ради того, чтобы последняя не нарушила нормального течения переговоров, идущих между Англией и Францией с одной стороны, и Германией с другой стороны» [Запись беседы...]. Судя по записи, Фирлингер был возбужден и задал Потемкину, в частности, такой вопрос: «Ген. Файфр имевший в Москве беседу с т.т. Шапошниковым и Локтионовым, просит посланника осведомиться, — приняты ли какие-нибудь практические меры для обеспечения эвентуального перелета советских воздушных сил между известным пунктом в СССР и таким же пунктом в Чехословакии». Потемкин сухо заметил, «что лишен возможности ответить на этот вопрос. Содержание разговоров ген. Файфра с представителями нашего Генштаба мне неизвестны» [Там же, л. 68¹]. Александровский говорил нечто подобное и ранее. Возможно, советское военное командование и дипломаты действительно не информировали друг друга, но вероятнее всего, речь шла о некоей тактике советских дипломатов. В любом случае это было серьезным сигналом для чехословацкого государства.

Самой сложной проблемой для чехословацкого правительства было преодоление противоречий между социалистическим Советским Союзом и демократическим Западом. Однако сам президент Бенеш оказался не между демократией и диктатурой, а образно говоря, между Гитлером и Сталиным [Подробнее об этом см: Lukeš]. Он не смог преодолеть взаимное недоверие между Францией и СССР. В чехословацко-советских отношениях также возникало много недоразумений, в том числе между военными. Правительство Великобритании с его «имперской высоты» все более явно отказывалось предпринимать шаги для обеспечения безопасности небольшого государства (и не только из-за неподготовленности британской армии), не желая по выражению премьера Н. Чемберлена «из-за маленькой страны, где-то в центре Европы рыть окопы и натягивать противогазы». ² Нежелание было тем большим, что отношение Лондона к Чехословакии даже в 1920-е годы не было по-настоящему дружественным. По сути, Чехословакия попала в западню.

Со стороны Советского Союза в первой половине сентября 1938 г. неоднократно повторялись слова наркома Литвинова, подтвержденные его первым заместителем Потемкиным в разговоре с З. Фирлингером 15 сентября: «СССР предоставит все свои ресурсы для совместных действий» [Telegram Fierlinger...]. Следует помнить, что в оборонной концепции президента Бенеша Советский Союз играл важную роль. Бенеш рассчитывал не только на «ограниченную прямую военную помощь с Востока,

1 Копия той записи, как и других в сентябре 1938 г., была немедленно передана И.В. Сталину, который пристально следил за ситуацией в Чехословакии.

2 Выступление Н. Чемберлена в английском радиовещании BBC, 27 сентября 1938 г.: “How horrible, fantastic, incredible it is that we should be digging trenches and trying on gas — masks here because of quarrel in a far away country between people of whom we know nothing” [BBC Broadcast... цит. по: Prime Minister on the Issues... p. 10].

прежде всего по воздуху (и для чехословацких ВВС), но и, не в последнюю очередь, на то, что Москва возьмет на прицел Польшу, правительство которой еще в 1938 г. отказалось искать модус вивенди с Чехословакией» [Dejmek, Eduard Beneš... s. 185–186]. Вот что он говорил С.С. Александровскому 18 мая 1938 г.: «Дальше Бенеш предлагал представить себе самое худшее. Чехословакия оставлена без помощи, и Германия более или менее быстро разбивает ее армию. Тогда, говорил Бенеш, можете быть уверены, что мы все-таки будем драться, пробиваясь на Восток для соединения с Красной армией. Вся моя забота будет направлена на сохранение армии, или хотя бы ее частей, которые унесут с собой чехословацкую независимость, будут драться в рядах чужих армий и снова вернуться победителями на свою родину» [Разговор М.М. Литвинова...].

Президент опирался на военно-политическую концепцию, согласно которой армию, если ей не удалось бы отступить в Румынию, следовало постепенно отводить на восток (подобно сербской армии в начале Первой мировой войны), чтобы сохранить один из элементов суверенитета чехословацкого государства, который должен был пригодиться в совместной с союзниками борьбе против нацистской Германии. Но расчеты еще не означали реальное сотрудничество, о чем очень хорошо знали прежде всего в Москве.

Ситуация стала еще драматичнее, когда чехословацкое правительство получило 19 сентября англо-французский план. Этот план возник после первой встречи премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена с А. Гитлером в Берхтесгадене, где было принято решение принять требование Германии о передаче ей Судетской области. Президент Бенеш уже утром 19 сентября был проинформирован послом в Париже Ш. Осуским о вероятном британско-французском предложении насчет того, чтобы Чехословакия уступила Германии районы с преобладанием немецкого населения [AMZV. TD 1038. № 830/38, продолжение: № 845/38; опубликовано: DČSZP. 1938. Sv. 2. Dok. č. 625. S. 322–323.¹]

Официально президента об этом плане уведомил британский посланник в Праге Б. Ньютон 19 сентября в 13.55. К нему в 14.05 присоединился французский посланник В.Л. де Лакруа, и они совместно вручили Бенешу меморандум, англо-французский план, суть которого состояла в том, что Чехословакия должна удовлетворить желание Гитлера о передаче Судетской области Германии. Судя по воспоминаниям Бенеша, предложение двух великих держав его потрясло [Beneš, Mnichovské dny, s. 241–252]. При этом Бенеш не мог знать о словах французского союзника, премьер-министра Э. Даладье, предложившего в случае несогласия Чехословакии «оказать на президента Бенеша самое сильное давление...». Презрительно взирая на интересы маленького государства, пусть и союзника, с позиций великой державы, французский премьер подчеркивал, что нельзя позволить Бенешу «решать вопрос о войне и мире» [Record of... s. 142].

1 Телеграмма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министерству иностранных дел ЧСР 19 сентября 1938 г.

Следующие два часа, до 17.15, президент совещался с правительством. Бенеш пригласил на личную беседу и советского посла Александровского, с которым в последние месяцы он находился в постоянном контакте. Полпред СССР прибыл на Пражский Град в 17.30 и более часа обсуждал с президентом текущую ситуацию [Audience...].

Два вопроса Сталину

Ключевую роль в отношении Советского Союза сыграли два вопроса президента Бенеша, заданные советскому правительству через посла С.С. Александровского в вышеупомянутой беседе. Проблема в том, в какой именно форме они, особенно второй, были заданы. Помимо вопросов, Александровский отправил в Москву более обширную информацию о переговорах с Бенешем и свои комментарии. У нас есть записи переговоров с обеих сторон, что позволяет их сравнивать. Согласно собственному свидетельству Бенеша, 19 сентября 1938 г. он задал Александровскому следующие вопросы [Beneš, Mnichovské dny, s. 216–317]:

«1) Что сделает СССР, если Франция выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией?

2) Как поведет себя СССР, если Чехословакия будет настаивать на своем сопротивлении Германии даже в случае отказа Франции от своих обязательств?»¹

Однако в донесении Александровского в НКВД второй вопрос был сформулирован более узко: «Поможет ли СССР Чехословакии в качестве члена Лиги Наций на основании ст. ст. 16 и 17 Устава Лиги наций, если в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей» [Telegram S.S. Alexandrovského...].

Чешский историк И. Пфафф в своей работе о «советском предательстве 1938 г.» утверждает, что запись Бенеша является ошибочной [Pfaff, Sovětská zrada, s. 110–111], но аргументы, которые Пфафф приводит, не очень убедительны, потому что здесь, среди прочего, у нас еще есть запись разговора советской стороной. Однако и к этому надо отнестись критически. Сразу после возвращения в свою резиденцию на виллу «Тереза» в пражском районе Винограды Александровский поздно вечером 19 сентября (после 22 часов по московскому времени) подготовил обширный отчет о встрече с Бенешем (в том числе о заданных президентом вопросах), зашифровал и отправил в Москву незадолго до полуночи [DMČSSV. Díl 3. Dok. 341, s. 554–555; ДМИСЧО. Т. 3. Док. 341, с. 504–505].

В те дни М.М. Литвинов находился в Женеве, где 21 сентября ему предстояло выступить в защиту Чехословакии. В Москве телеграмму №17732 из Праги получили и рас-

1 В оригинале на чешском:

«1) Co učiní SSSR, jestliže Francie vyplní své závazky vůči Československu.

2) Jaký bude postup SSSR, kdyby Československo vytrvalo na svém odporu i v případě francouzského odmítnutí vlastních závazků» [Beneš, Mnichovské dny, s. 216–217].

шифровали утром 20 сентября¹. В НКВД вопросом занялся первый заместитель наркома В.П. Потемкин. Утром же 20 сентября он подготовил письмо и отправил курьера к И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, К.Е. Ворошилову и В.М. Молотову. К письму прилагался сформулированный им проект ответов на вопросы Бенеша.

Письмо Потемкина Сталину от 20 сентября 1938 г. ранее было совершенно неизвестно исследователям, но заслуживает пристального внимания, поскольку оно позволяет проследить за процессом непосредственно по действиям ведомства, отвечавшего за внешнюю политику СССР. В особенности это касается поведения главных действующих лиц в момент пика кризиса, когда можно было предложить только два решения. В дополнение к анализу вопросов Бенеша, сделанному Александровским, Потемкин приписал: «Прошу сегодня же обсудить, что следует ответить Бенешу, который рассчитывает, что наш ответ получит до 21-го» [Письмо заместителя...]. Потемкин был достаточно откровенен (отметим, что письмо было адресовано прежде всего Сталину!), формулируя свое мнение:

«Со своей стороны полагаю, что на оба вопроса, поставленные нами Бенешем, мы не можем дать иной ответ, кроме положительного. При этом я предложил бы сообщить Бенешу, что о содержании нашего ответа данного чехословацкому правительству мы одновременно ставим в известность и французское правительство» [Там же]. Письмо Сталину было написано на бланке заместителя наркома иностранных дел, предложение дать ответ президенту Бенешу — на листе без бланка, но соответствующее задокументированном.

Письмо Потемкина было очень своевременным. Речь шла о ключевом моменте кризиса в Центральной Европе, за которым советское руководство внимательно следило. Сталин вызвал членов Политбюро в Кремль. Эти «вопросы Народного комиссариата иностранных дел» (см. с. 64, 65) обсуждались во второй половине дня 20 сентября 1938 г., с 14.15 до 17.45 по московскому времени [На приеме у Сталина... с. 240]. Вопреки привычке Сталина обсуждать вопросы сначала с отдельными членами Политбюро, на сей раз все были в сборе с самого начала (к сожалению, стенографирование на том заседании не велось). Проект ответа, предложенный Потемкиным, одобрили с небольшим дополнением [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46. Особая папка]. Текст ответа стал частью постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1938 г. (находится в «особой папке») [Решения...]. Документ подписали И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов и Н.И. Ежов.

Политбюро постановило следующее:

«1) На вопрос Бенеша о том, окажет ли Советский Союз немедленную и реальную помощь Чехословакии, если Франция остается ей верной и тоже окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

¹ К сожалению, в отличие от документов чехословацкого происхождения, в документах НКВД не обозначалось время получения или отправки телеграммы — только дата. Оригиналы телеграмм до сих пор недоступны исследователям (Прим. авт.)

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, — поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги Наций на основании ст. ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3) Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство» [Там же].

Текст постановления был немедленно передан В.П. Потемкину, который не принимал участия в этой встрече, поскольку не был членом Политбюро (видимо, присутствовал в приемной кабинета Сталина в Кремле). Однако в следующие дни он уже лично участвовал в заседаниях Политбюро [На приеме у Сталина... с. 240]. Текст ответа советского правительства отправили немедленно по телеграфу послу Александровскому. В то же время Потемкин лично передал ответ прибывшему в здание НКВД чехословацкому послу З. Фирлингеру, который, после шифрования, в срочном порядке отправил его в МИД Чехословакии. Однако в варианте Фирлингера ответ несколько отличался от текста Политбюро: «Правительство СССР занималось вопросами, поднятыми президентом на встрече с Александровским. Потемкин сказал мне ответ на первый вопрос. Если Франция остается верной своим обязательствам, СССР поможет быстро и действенно. Ответ правительства СССР на первый вопрос Бенеша — «да». Ответ на второй вопрос, выполнит ли СССР свои обязательства в случае обращения Чехословакии в Лигу Наций согласно 16 и 17 пункту ее устава, — тоже «да», в каждом из случаев» [AMZV. PZ Moskva. TD 857/38; *Nové dokumenty...* s. 342 (первая публикация документа)]. Дешеша Фирлингера была отправлена в Прагу в 17.38 по московскому времени, до МИД Чехословакии она дошла в 19.37 по средневропейскому. Расшифровка была готова в 20.20 по средневропейскому. Ответ советского руководства быстро передали по телефону президенту Бенешу, который в то время обсуждал с правительством англо-французский план.

Текст ответа советского правительства на два вопроса президента Бенеша известен давно, его впервые опубликовали в сборнике документов еще в 1958 г. Но некоторые детали еще никто не проверял, поскольку историки не имели доступа к оригиналу или факсимиле документа — в их распоряжении была только отредактированная запись. Кроме того, письмо В.П. Потемкина Сталину также оставалось недоступным. Трактовок опубликованного текста ответа на вопросы президента Бенеша, как и дебатов по одному из ключевых документов советской внешней политики в сентябре 1938 г., было много. Достаточно упомянуть оценки в работах И. Пфаффа в 1990-е годы, затем И. Лукеша и, наконец, Й. Деймека, который, конечно же, не обошел вниманием этот документ в своей книге об Э. Бенеше [Pfaff *Die Sowjetunion...*; Lukeš, s. 222–225; Dejmek, *K československo-sovětským...* s. 80–105].

В.П. Потемкин в письме к И.В. Сталину четко отразил главную внешнеполитическую линию советского правительства. Ответом на оба вопроса было категорическое «да». Сталин написал в верхней части письма: «Согласен с нижеследующим предложением для ответа на телеграмму Александровского». В нижней части письма стояли подписи членов Политбюро: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова. Как мы

можем убедиться на материалах российских архивов, в последующие дни, вплоть до 28 сентября 1938 г., Политбюро продолжало заниматься чехословацким вопросом. Однако, к сожалению, в эти дни не было принято никаких постановлений, которые непосредственно касались Чехословакии. Не существует и стенограмм, поскольку заседания Политбюро стенографировались выборочно, скорее из необходимости записывать слова отдельных выступающих для последующей публикации в измененной форме в газетах. Точные данные мы могли бы узнать из «особых папок». Тем не менее, в те дни была объявлена и проведена частичная мобилизация в западных военных кругах СССР, дело дошло до передислокации войск. Об этом будет подробно сказано далее¹.

Пока в Кремле обсуждался чехословацкий вопрос, 20 сентября в Праге состоялись интенсивные дискуссии на разных уровнях. На самом высоком уровне собрался Политический комитет министров под председательством Э. Бенеша. Президент открыл слушание в 11 часов утра, заседание длилось два с половиной часа. Основной темой стал обмен мнениями по вопросу о советской помощи. Министры Ф. Ежек и Я. Шрабек высказались в ее пользу, в то время как депутат парламента от Торгово-ремесленной партии среднего класса Р. Млчох выразил категорический протест. Министр иностранных дел К. Крофта в ответ рассказал о своей беседе с М.М. Литвиновым в Женеве. Согласно протоколу министра Ежека (официальная стенограмма заседания комитета не была принята), Литвинов прямо сказал: «СССР готов прийти на помощь даже в случае, если Франция не выполнит свои обязательства, но Чехословакии необходимо потребовать решение Лиги Наций, которое бы четко обозначило агрессора. Иначе в случае оказания помощи агрессором признают СССР» [Ježek, s. 686]. Президент Бенеш напомнил, что такое решение должно быть единогласным, что вряд ли реально с учетом взглядов правительств Франции и Великобритании. «Сегодняшнее состояние Лиги Наций печально, — отметил он. — Лига Наций разочаровала своими действиями по Эфиопии и Испании. Хотя там нет Германии, Лига Наций будет делать то, что попросят Англия и Франция». Министр Р. Бехине добавил: «И у англичан будет новый аргумент против нашей большевизации» [Ibid]. В то же время из-за границы поступили сообщения, в которых говорилось об усилении давления на Чехословакию с целью принятия англо-французского плана по передаче территорий (*Судетской области от Чехословакии к Германии. — Прим. пер.*).

Во второй половине дня 20 сентября, между 13.00 и 17.00, состоялись встречи представителей западных держав. Правительства Великобритании и Франции ждали ответа из Праги. Вечером в Лондоне собрался «внутренний кабинет».

Среди важных международных дипломатических событий этого дня, помимо вышеупомянутых, примечательны переговоры болгарского царя Бориса III и А. Гитлера в Берлине. «В британских архивах сохранились слова болгарского царя Бориса, кото-

¹ К сожалению, в государственных военных архивах России, особенно в Архиве министерства обороны (АМО) в Москве и Подольске, а также в Российском государственном военном архиве (РГВА) до сих пор недоступны полностью документы Генштаба СССР. Российские историки этим вопросом в последние годы не занимались (кроме О.Н. Кена). (Прим. авт.)

рый в ночь с 20 на 21 сентября убеждал Гитлера и Г. Геринга в том, что Чехословакия не останется в изоляции в случае войны. В таком случае началась бы мировая война, в которой Советский Союз представлял бы самую серьезную опасность для Германии. Даже если бы Германия вначале добилась успеха в боевых действиях против Запада, решающую роль сыграли бы русские. Ресурсы России бесконечны и будут полностью использованы на войне, а Германия скоро окажется истощена. У Бориса сложилось впечатление, что Гитлеру стало от этого не по себе, хотя он и не согласился с его аргументами. Английские дипломаты настолько заинтересовались разговором, что дважды повторили слова Бориса» [Zprávy britského... Цит. по: Král, s. 73].

С улиц чешских и словацких городов приходили сообщения о настроениях людей, в известной мере сформированных под влиянием лозунгов политических партий. В частности, коммунисты подчеркивали помощь Советского Союза: «Советский Союз с нами!», «С нами Москва, с нами демократы всего мира!» [AKPR.D 9800/1457/38] Газета «Лидове новины» (*где работал знаменитый писатель Карел Чапек. — Прим. пер.*) стала местом встречи политиков, которые призывали не идти на капитуляцию: «Господин президент, сейчас от Вас зависит, сдадимся ли мы... Капитуляция означает моральное и политическое крушение на поколения вперед. Мы бы не оправились от этого. Возьмем ли мы на себя риск войны... Повсюду есть люди, которые будут стоять за Вас и идти с Вами до конца... Я говорю открыто, и это мнение многих моих друзей: мы предпочитаем худший риск войны, нежели позорную капитуляцию, которая уничтожит в нас все чешское, сильное и решительное» [Dopis H. Ripky...].

Глава МИД Чехословакии К. Крофта 20 сентября в 19.45 передал послам Великобритании и Франции ответ руководства страны на англо-французскую ноту от 19 сентября, в которой содержалось требование к чехословацкому правительству уступить пограничные регионы, где свыше 50% населения составляли этнические немцы [Ježek, s. 686]. Англо-французские предложения были отклонены. Британский посол Б. Ньютон не замедлил заявить, что ответ неудовлетворителен, и потребовал немедленной встречи с Крофтой. На этой встрече, состоявшейся ночью, в частности, обсуждалась возможность обращения к международному арбитражу.

О решении советского правительства президенту Бенешу доложили около 20.30. Однако оно уже не играло никакой роли и не могло изменить позицию чехословацкого правительства. Поздно вечером управление президента получило от посольства Франции извещение о том, что в Париже и Лондоне сообщения своих послов рассмотрят в течение ночи [Beneš, Mnichovské dny... s. 259].

Очередной бессонной (для Чехословакии) ночью с 20 на 21 сентября, в 02.00, послы Великобритании и Франции представили президенту Бенешу ожидаемый демарш. Президент «справедливо сказал, что, учитывая тон и содержание, предложение двух сверхдержав является ультиматумом» [Záznam Krofty...]. От Чехословакии требовали безоговорочно принять англо-французский план. Ночная аудиенция послов длилась до 03.45, обсуждение продолжалось [ibid]. Три известные записи той ночной встречи

многократно обсуждались в литературе. Наиболее примечательным фрагментом является просьба президента Бенеша о помощи: «Если мы примем приговор, я прошу о помощи против германской пропагандистской кампании и мобилизации». Ответ послов был единодушным: «Необходимо безоговорочно принять план, и только после полного и ясного его принятия можно ставить такие вопросы» [Newton z Prahy... Цит. по: Král, s. 84].

Еще до отъезда послов было созвано совещание, в котором приняли участие премьер-министр М. Годжа, его заместитель Р. Бехине, глава МВД Й. Черный, министр иностранных дел К. Крофта и депутат парламента Й. Млчох. После отъезда послов к ним присоединился президент. Другие члены Политического комитета (министр здравоохранения и спорта Ф. Ежек и министр образования Э. Франке) ожидали в президентской приемной [Ježek, s. 690]. После совещания состоялось заседание Политкомитета, продолвшееся до 05.45 утра. К этому времени президент Бенеш уже знал позицию советского правительства.

По свидетельству Ежека, имело место много истеричных выступлений. На его слова, что «действия России без согласия Лиги Наций были бы наихудшим вариантом», президент Бенеш ответил: «Это было бы самым худшим! Запад, как и страны “Оси” (Германия, Италия и Япония. — *Прим. пер.*), подумает, что настало время идти крестовым походом против большевизма. Весь мир поднимется против нас, если мы будем наедине с СССР против Германии» [Ibid, s. 692]. Такова была жестокая реальность той ситуации, своего рода «красная линия», переступить которую Бенеш не собирался.

Решения Политического комитета министров были объявлены на внеочередном заседании правительства в шесть утра 21 сентября. Руководство Чехословакии в итоге согласилось с условиями англо-французского плана, даже не спросив мнение парламента. Разумеется, вопрос о возможной советской помощи обсуждался, позиция СССР получила положительную оценку. Однако такой путь сочли невозможным. Большую роль сыграло мнение представителей армии: «...изолированный конфликт стал бы ошибкой для Чехословакии, тем более что в таком случае существует риск подвергнуться нападению со стороны других соседних государств» [Protokol o mř...]. В конечном итоге советскую помощь отвергли еще по одной причине, со следующей аргументацией: «Если говорить о России, то с отказом Франции от своих обязательств пала система, на которой основывалась бы русская помощь. Даже если бы Россия заявила, что удовлетворена объявлением Германии агрессором со стороны большинства членов Лиги Наций все равно этот путь (принятие помощи. — *Прим. пер.*) был бы неприемлем — хотя бы потому, что помощь со стороны большевистской России настроила бы против нас весь западный мир» [Ibid].

Вечером 21 сентября в 20.30 министр Крофта сообщил циркулярной депешей чехословацким представительствам о принятии Чехословакией англо-французских требований. Еще раньше в 17.00 ответ чехословацкого правительства правительствам Франции и Великобритании был передан французскому и великобританскому посланникам в Праге [Nóta vlády, s. 359–360].

Позднее в своих мемуарах Бенеш отметил, «ни одно из условий, включенных в текст нашей ноты от 21 сентября, входе дальнейших действий великих держав с момента раздела и занятия территории Чехословакии после мюнхенской конференции и до немецкого вторжения 15 марта 1939 г. выполнено великими державами не было» [Beneš, Paměti... s. 347].

За опубликованием решения правительства о капитуляции под нажимом союзников быстро последовала реакция народа. Она была предсказуемо негативной, и правительство Годжи ушло в отставку. 23 сентября 1938 г. объявили мобилизацию, что едва ли могло стратегически изменить ситуацию.

После решения чехословацкого правительства принять британско-французский план советское руководство продолжало пристально следить за ситуацией и провело военные учения на своей западной границе. Тем не менее на Ассамблее Лиги Наций в Женеве Литвинов подтвердил положительный ответ на запросы чехословацкого президента от 21 сентября. Он еще раз ясно изложил точку зрения Советского Союза после того, как Чехословакия объявила мобилизацию: «Советский Союз готов помочь Чехословакии и вне рамок договора о взаимопомощи — и на основании решений Лиги Наций, и на основании своего собственного добровольного решения» [DMČSSV. Díl 3. Dok. 369, s. 581–582; ДМИСЧО. Т. 3. Док. 369, с. 529–530. Для сравнения: Lvová, s. 210]. Советское руководство устами Потемкина выразило посланнику Фирлингеру свое искреннее удивление, почему Чехословакия не задала еще один вопрос, который прямо напрашивался. По словам Фирлингера, Потемкин сказал, что «удивился, почему наше правительство никогда не задавало вопрос о безусловной помощи со стороны СССР. Мы договорились о том, что Праге необходимо немедленно уточнить, будет ли Франция оказывать военную помощь, потребуется ли от нас еще что-то. Ответьте немедленно» [DČSZP. 1938. Sv. 2. Dok. 674, s. 365¹].

В первом раунде решающей игры вокруг Чехословакии руководство Советского Союза продемонстрировало свою готовность оказать помощь в соответствии с действующим договором о взаимопомощи. Его действия на международных площадках казались особенно яркими на фоне разочарования политикой умиротворения агрессора, которую избрали великие державы демократического Запада. Путь к Мюнхенскому соглашению открывался все отчетливее. Те события существенно повлияли также на дальнейшее развитие Советского Союза и направление его внешней политики.

23 сентября 1938 г. в Женеве нарком Литвинов произнес речь, где еще раз призвал мировое сообщество к противостоянию агрессору. По словам Литвинова, принятие чехословацким правительством британо-французского плана по решению судетского кризиса дало Советскому Союзу моральное право отказаться от обязательств, которые

1 22 сентября 1938 г. Телеграмма чехословацкого посланника З. Фирлингера в СССР министру иностранных дел К. Крофта о разговоре с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкиным. Этот документ был опубликован уже в 1958-ом году.

он нес в соответствии с советско-чехословацким договором 1935 г. Однако он оговорился, что договор по-прежнему действует [ДВП. Т. XXI. Док. 368, с. 519].

В ночь с 27 на 28 сентября, в момент непосредственной угрозы немецкой агрессии, президент Бенеш передал через Фирлингера просьбу о помощи со стороны советских ВВС. Советское руководство уже не отреагировало на эту срочную просьбу. А вскоре в Мюнхене начались переговоры, проходившие без участия как чехословацких, так и советских представителей. Они завершились подписанием Мюнхенского соглашения.

Советские военные мероприятия на западных границах в конце лета 1938 г.

Один из дискуссионных вопросов, обсуждаемых в связи с кризисом сентября 1938 г. и Мюнхенским соглашением — насколько сталинский Советский Союз в 1938 г. был готов защищать Чехословакию военными средствами? В этом контексте существует ряд других второстепенных проблем, связанных с положением Красной Армии и возможностями ее передислокации. Рассмотрим вкратце советские действия и возможности в военной сфере летом и в сентябре 1938 г.

В настоящее время большинство авторов согласны с тем, что основополагающий курс Москвы на поддержку Чехословакии с весны 1938 г. сомнений не вызывает. Тем не менее здесь еще много вопросов без ясных ответов или же с неоднозначными ответами. Надо сказать, что поведение разных государств в периоды обострения международных кризисов и во многих других случаях бывало неоднозначным.

Остается загадкой, в какой степени Москва была разочарована чехословацкими уступками и политикой ее западных союзников. Но так или иначе, Красная Армия получила в этот период ряд приказов о проведении мобилизационных мер. Советский Союз долго скрывал свои действия в военной области во время Мюнхенского кризиса, и первые документы и материалы по этому вопросу увидели свет лишь в 1970-х годах [Документы по истории...; DMČSSV. Díl 3. Dok. 354, s. 566–567. Документы и материалы...]¹ Более подробное описание кризиса и советских мер давалось во втором томе двенадцатитомной «Истории второй мировой войны», а также в мемуарах генерала М.В. Захарова [В чешском переводе *Dějiny druhé...*; Захаров]².

В сентябре 1938 г. Советский Союз развернул значительные воздушные и сухопутные силы (около 30 стрелковых дивизий, около 600 истребителей и бомбардировщиков, тяжелую технику, средства доставки, боеприпасы и топливо) на западе Украины, восточнее тогда польского Львова. Однако эта группировка (за исключением ВВС) могла бы прийти на помощь армии Чехословакии в случае ее войны с вермахтом только спустя несколько недель после начала военных действий.

1 21 сентября 1938 г. Директива народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова о проведении военных учений в районе государственной границы.

2 Во время Мюнхенского кризиса М.В. Захаров являлся помощником начальника Генштаба Красной Армии, а в то время, когда он писал свои мемуары (1969 г.), опубликованные 20 лет спустя, маршал Захаров сам занимал пост начальника Генштаба.

Мы еще не знаем деталей других советских решений, даже если о них можно догадываться... Известно, что 21 сентября (на следующий день после вышеупомянутого заседания Политбюро) в 18.00 нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов приказал командованию Киевского особого военного округа провести крупные военные учения вдоль границы на участке Волочиск — Проскуров — Каменец-Подольский. Соединения, участвовавшие в маневрах, удалось развернуть 23–25 сентября 1938 г. Речь шла о силах Винницкой военной группировки: 4-м кавалерийском корпусе (состоявшем из 34-й, 32-й и 9-й кавалерийских дивизий), 25-м танковом корпусе (23-й и 26-й танковых бригадах, имевших на вооружении легкие танки) и 17-м стрелковом корпусе (96-й, 97-й и 72-й стрелковых дивизиях). В этих учениях не участвовали подразделения 2-го кавалерийского корпуса, но им, согласно приказу, в то же самое время следовало проводить маневры вблизи советско-польской границы.

Каждую из трех стрелковых дивизий предполагалось усилить восемью тысячами солдат и младших командиров из резерва. Это же касалось и остальных соединений. Из военно-воздушных сил, которые Ворошилов отправил на учения, были созданы три истребительных полка, три полка быстрых бомбардировщиков и один полк тяжелых бомбардировщиков. Для обеспечения своей деятельности в означенных районах, включая функционирование двух постоянных баз, военный совет Киевского особого военного округа по своему усмотрению имел право вызвать солдат и командиров из резерва [DMČSSV. Díl 3 (červen 1934 — březen 1939). Praha 1979. Dok. č. 352. S. 566 — 568; Захаров, с. 112–113]¹. Командовал учениями маршал С.К. Тимошенко, ставка которого переместилась из Киева в Проскуров (ныне город Хмельницкий. — *Прим. пер.*).

Два дня спустя, поздно вечером 23 сентября, нарком обороны К.Е. Ворошилов и начальник Генштаба Б.М. Шапошников отдали подобные приказы двум другим военным округам — Белорусскому и Калининградскому, причем Белорусский военный округ мобилизовал особенно значительные силы. На полоцком направлении предстояло сосредоточить 50-ю стрелковую дивизию в районе Горбули — Мышки — Росица — Волынцы, а бронепоезда — на станции Бигосово. В дальнейшем предстояло укрепление и перемещение 5-й стрелковой дивизии и 18-й танковой бригады в Полюдовичи, Слободу, к озеру Навлицкое. На лепельском направлении сосредоточили 24-ю кавалерийскую дивизию (без 1-го полка) и 16-ю танковую бригаду, а также 27-ю стрелковую дивизию и по одному кавалерийскому, стрелковому и гаубичному полку. Затем в районе Минска расквартировали 36-ю кавалерийскую дивизию, 100-ю и 2-ю стрелковые дивизии, 21-ю танковую бригаду, 7-ю кавалерийскую и 13-ю стрелковую дивизии. В районе Слуцка — 4-ю кавалерийскую дивизию. Все подразделения переместились из мест постоянной дислокации в новые районы. Личному составу ВВС поручили развертываться на аэродромах вблизи границы так, чтобы охватить Себеж, Полоцк, Минск и Слуцк. Скоростные бомбардировщики должны были взлетать из района Витебска и Орши, тяжелые — из мест постоянного базирования.

1 Однако в «Истории второй мировой войны» в ряде случаев приводятся большие значения численности воинских соединений (Прим. авт.) [Dějiny druhé... s. 101nn].

В тот же день командование Калининского военного округа получило приказ о перемещении 67-й стрелковой дивизии на западную границу СССР. Одновременно Ленинградскому, Калининскому, Киевскому, Белорусскому, Харьковскому и даже Московскому военным округам поступил приказ привести в полную боеготовность системы ПВО [Захаров, с. 112–113; История второй... с. 101–103]. Все это сопровождалось призывом резервистов в боевые части. 28 сентября Генштаб приказал военным советам и командирам всех округов европейской части СССР (вплоть до Кавказа) не демобилизовывать солдат и младших командиров, даже если срок их службы истек [Документы по истории... с. 314]. М.В. Захаров вычислил общее количество частей, находившихся в состоянии полной боеготовности. Это были танковый корпус, 30 стрелковых дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых бригад и 12 воздушных бригад, 7 частей укрепленных районов, войска ПВО — 2 корпуса, 2 бригады, 16 полков и несколько отдельных частей [Захаров... с. 114]. Хотя Захаров не обращался к архивным и другим источникам, во втором томе опубликованной в 1970-е годы «Истории второй мировой войны» его сведения нашли подтверждение. К тому же там приводились еще более подробные данные о мобилизационных мероприятиях Красной армии — на сей раз со ссылками на данные архивов министерства обороны. Указывалось, что 23 сентября 1938 г. в рамках учений часть формирований Белорусского особого и Калининского военных округов, вошедшие в незадолго до этого развернутые Витебскую и Бобруйскую армейские группы в Белоруссии, были приведены в боевую готовность и отправлены в место дислокации. (Данные события в приказе К.Е. Ворошилова не отразились.) В «Истории второй мировой войны» было уточнено и количество мобилизованных зенитных подразделений — 2 корпуса, 1 дивизия, 6 бригад и 31 полк [История второй... с. 102].

После первой волны мобилизации советское руководство приступило к мобилизации резервистов и тыловых подразделений. 29 сентября командования Киевского, Белорусского, Ленинградского и Калининского военных округов получили приказ привести в состояние боеготовности еще 17 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады и 34 авиабазы [АМО РФ Ф. 19а. Оп. 663. Д. 1. Л. 48; цит. по: История второй... с. 104]. Одновременно расположенные в тылу военные округа (Харьковский, Орловский, Московский, Северокавказский, Поволжский и даже Приуральский) получили приказ в течение двух дней призвать из запаса в свои подразделения по 250–275 командиров и политработников. По данным «Истории второй мировой войны», в боеготовность были приведены войска второй линии в количестве 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад и 34 авиабаз. В воинские части из запаса призвали 330 тысяч человек, а еще несколькими десятками тысяч военных отменили демобилизацию, хотя их срок воинской службы подошел к концу [Там же].

В августе 1938 г., принимая в Москве главкома войск ВВС и ПВО Чехословакии Я. Файфра, советская сторона предложила помощь в размере 700 самолетов, которые помогли бы восстановить баланс между чехословацкой и германской военной авиацией. В этой связи нарком обороны Ворошилов направил в Политбюро (Сталину и Молотову) информацию с конкретным обозначением воздушных соединений Белорусского,

Киевского и Харьковского военных округов, которые были готовы к перелету в Чехословакию и к 30 сентября могли бы приступить к выполнению данного задания. Речь шла прежде всего о четырех доукомплектованных полках скоростных бомбардировщиков 10-й и 16-й воздушных бригад (246 скоростных бомбардировщиков СБ) и четырех истребительных полках 58-й и 69-й воздушных бригад, в которых находилось 302 истребителя И-16 [Документы по истории... с. 312–313].

Москва информировала чехословацкое правительство и французских представителей о своих шагах в военной области. 24 сентября 1938 г. начальник французского Генштаба М.Г. Гамелен сообщил советскому военно-воздушному атташе во Франции Н.Н. Васильченко, что на чехословацко-германской границе сосредоточено 30 (по другим разведывательным данным — 38) немецких дивизий и что все ВВС Германии дислоцированы близ границ Чехословакии. На следующий день Васильченко получил от наркомата обороны указание поблагодарить Гамелена за предоставленные сведения и передать ему, что советская сторона стянула к западной границе СССР 30 пехотных частей и некоторое количество кавалерии, что эти войска были доукомплектованы резервистами и что военно-воздушные, танковые и иные формирования Красной Армии находятся в состоянии боевой готовности. Об этих и других шагах 28 сентября 1938 г. повторно проинформировали военного атташе Франции в СССР А. А. Паласса [ДМИС-ЧО. Т. 3. Док. 374, с. 535–536].

Вот все, что мы знаем на сегодня. Дополнительная информация, особенно в отношении решений советского руководства, пока недоступна в российских архивах. Более поздние публикации не содержат ссылок на-какие-либо дополнительные документы по вопросу о подготовке Советским Союзом конкретной военной помощи Чехословакии. Это относится и к официальной «Военной истории Чехословакии», и к книге польского исследователя Мариана Згурняка. При этом в ряде западных работ не упоминаются даже известные советские документы — их используют всего несколько авторов [Vojenské... s. 503nn; Zgorniak, s. 224–227; смотри напр.: Haslam, s. 186, 278; Roberts, s. 56, 160n].

Доступный документальный материал говорит совершенно однозначно: Красная Армия после решения Политбюро от 20 сентября провела масштабные учения, мобилизовав существенные людские и материальные ресурсы. Несомненно, Сталин знал, о чем Э. Бенеш и начальник Генштаба Чехословакии генерал Л. Крейчи говорили советскому послу Александровскому. Речь шла о том, что Чехословакия может быть защищена от агрессивных соседей только в том случае, если ее друзья согласятся с некой базовой геостратегической и политической концепцией. А именно: Чехословакия является ключом к европейской коллективной безопасности, если Чехословакия будет сокрушена, то пострадает безопасность Европы в целом. Сентябрьский кризис 1938 г. и Мюнхенское соглашение рассматривались как общеевропейский вопрос: подразумевалось, что от судьбы Чехословакии зависит судьба всей Европы. Последующие месяцы убедительно доказали правоту этой оценки. Однако Британия и Франция двигались в наихудшем как для Праги, так и для Европы направлении — к соглашению с Германией. Тем самым они сами избавили Москву от обязательств, вытекавших из ее договора с Чехословакией.

Но каковы были бы возможности Москвы и Красной армии, если бы помощь Чехословакии была принята и оказана? Красная Армия производила впечатление мощной силы, количественно превосходившей потенциальных противников. На рубеже 1937–1938 гг. ее сухопутные войска насчитывали 1165 тыс. человек, ВВС — 193 тыс., ВМФ — 132 тыс. Вместе с другими военизированными соединениями в мирное время в ее рядах находилось 1605 тыс. человек. основная ударная сила состояла из 62 кадровых дивизий, еще 34 входили в состав внутренних войск. При полной мобилизации предусматривалось формирование 150 стрелковых дивизий, а численность сухопутных войск достигла бы 3,9 млн человек. Кавалерия располагала 32 дивизиями, танковые войска — 25 дивизиями легких танков и четыремя — тяжелых. В общей сложности на вооружении находилось 4950 танков, из которых 1058 были развернуты на Дальнем Востоке. ВВС Красной Армии состояли из 77 бригад. В европейской части СССР дислоцировались 53 бригады, на вооружении которых состояло 6762 боевых самолета [Доклад... с. 532–557]¹.

Однако боеспособность Красной армии вызывала большие сомнения. Во многих подразделениях на хватало старшин и командиров. И командование, и личный состав были слабо подготовлены. Летом 1936 г. тогдашний заместитель наркома обороны маршал М.Н. Тухачевский резко критиковал подразделения Киевского и Белорусского военных кругов за ряд серьезных недостатков, которые подтвердили их маневры в сентябре 1938 г. [Tuchačevskij, s. 23] Несостоятельность Красной Армии усугублялась репрессиями против командного состава, которые предшествовали так называемому «большому террору» 1937–1938 гг. и вскоре стали его частью. Репрессии и чистки были и ранее. По свидетельству наркома К.Е. Ворошилова, только в течение 1920-х и первой половины 1930-х годов в армии репрессировали 47 тыс. человек командного состава [Известия, с. 43]. Причины большей частью были политические — им вменялась принадлежность к тем или иным оппозиционным группам (троцкисты, правоуклонисты). Однако пострадали и военные специалисты, служившие еще в царской армии, которых отстранили от командования в основном на рубеже 1920–1930-х годов. В августе 1936 г., например, арестовали ряд высокопоставленных офицеров, в том числе заместителя командующего Ленинградским военным округом Н.М. Примакова и советского военного атташе в Великобритании В. К. Путну.

«Большой террор» отличался от предыдущих периодов более частыми расстрелами и посадками. Органы НКВД, после того как в сентябре 1936 г. их возглавил Н.И. Ежов, активизировали работу с армией. 11 июня 1937 г. советская печать объявила, что восемь высших командиров Красной Армии арестованы и обвиняются в шпионаже и предательстве. Их задержали в конце мая, в список вошли имена маршала М.Н. Тухачевского (заместителя наркома обороны), командарма второго ранга А.И. Корка (командующего Военной академией имени Фрунзе), командармов первого ранга И.Э. Якира и И.П. Убо-

1 Доклад наркома обороны СССР и начальника РККА в ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. Датировка сообщения непонятна, но она явно составлена ранее 1937 г., поскольку в тот день ее обсудил Комитет обороны при правительстве СССР (Прим. авт.).

ревича (командующих Киевским и Белорусским военными округами)¹. В то же самое время ликвидировали командование советской разведки, что серьезно подорвало ее деятельность.

На основе большого количества архивных и опубликованных документов польский историк П. Вечоркевич недавно подсчитал, что в период с 1935 по 1939 г. более 36 тыс. офицеров были изгнаны из армии по политическим мотивам, из них почти 15 тыс. репрессированы [Więszorkiewicz, s. 908]. Жертвами репрессий стали все командующие военными округами, 13 из 15 командармов, до 28 из 85 командиров корпусов и 110 комдивов. Репрессии осенью 1938 г. остановил по приказу Сталина новый нарком внутренних дел Л.П. Берия. Несомненно, на решение Сталина повлияли кризис 1938 г. и Мюнхенское соглашение, поставившие Советский Союз перед необходимостью стабилизировать государство, ослабленное террором. После репрессий средний возраст комдивов Красной Армии сократился до 35–40 лет, средний возраст командиров полков составлял 30–35 лет. Почти каждый командовал своими частями и соединениями всего несколько месяцев, подавляющее большинство прошло только краткий курс командиров, практически никто из них не имел соответствующего опыта [Erickson, s. 15n; см.: Litera, s. 239–266].

Вот почему иностранные наблюдатели оценивали возможности Красной Армии весьма критически. Большинство западных военных атташе в Москве считали, что репрессии лишили Красную Армию наступательных возможностей. Британский военный атташе, полковник Р. Файрбрейс, в своем анализе от апреля 1938 г. подчеркивал, что Красная Армия еще может вести оборонительную войну на своей территории, но не на чужой. Он указал также на плохое состояние транспорта и других секторов экономики и влияние этого фактора на боевые возможности советских войск. Его немецкий коллега, генерал Э. Кестринг, оценивал положение Красной Армии гораздо более критично. По его мнению, из-за репрессий она вообще не была боеспособна. Это во многом отвечало реальности, потому что в советско-финской войне год спустя Красная Армия выглядела откровенно слабой и на первом этапе несла огромные потери. Однако летом 1939 г. на другом, дальневосточном театре боевых действий она смогла нанести тяжелый удар Квантунской армии Японии.

Не приходится сомневаться, что дискуссия о боевых возможностях Красной армии и общий критический взгляд на ее состояние усилили крайне скептическое отношение западных держав к Москве.

Возможности переброски частей Красной Армии в Чехословакию и позиция соседних стран

Но в игре вокруг Чехословакии был еще один не менее важный фактор, о котором в советских документах не очень часто упоминалось, хотя он имел фундаментальное

¹ Дело так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии. [Известия, s. 53]

значение. Речь идет о географии. В то время Чехословакия не граничила с Советским Союзом, от которого ее отделяли территории Польши и Румынии. Если бы Красная Армия решилась оказать помощь Чехословацкой Республике, ей пришлось бы пересечь территорию хотя бы одного из упомянутых государств. Советско-польские отношения отличались напряженностью в течение почти всего межвоенного периода, а в конце 1930-х годов они ухудшились до такой степени, что начальник Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошников причислял Польшу к числу наиболее вероятных противников на европейском театре боевых действий, наряду с Германией и Италией [Записка начальника... с. 557–571; Случ]. Польша долгое время последовательно отказывалась разрешить прохождение Красной армии на запад к немецкой границе, а в сентябре 1938 г. попыталась извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Отчеты о концентрации польских войск на границе с Чехословакией вынудили главу чехословацкой дипломатии К. Крофту попросить у Москвы поддержки. 23 сентября 1938 г. В.П. Потемкин предупредил польского поверенного в делах Т. Янковского, что нападение Польши на Чехословакию приведет к отмене советско-польского договора о ненападении 1932 г. Свою точку зрения Москва выразила в виде публичного заявления правительства [Prohlášení... s. 516–517; польские отношения в военной сфере см.: Friedl, s. 33–35].

Однако СССР не делал акцент на трудном и чувствительном вопросе о прохождении своей армии через территорию Польши или Румынии и, в принципе, оставил его возможное решение на усмотрение западных государств. 2 сентября 1938 г., в ответ на заданный накануне вопрос французского правительства, как Советский Союз будет оказывать помощь Чехословакии, если Польша и Румыния не захотят пропускать советские войска через свою территорию, Москва заявила, что выполнит свои обязательства, и предложила оказать давление на Польшу и Румынию с помощью Лиги Наций [ДВП. Д. 324. С. 470].

После того как от транзита через Польшу пришлось отказаться, единственным вариантом оставалась Румыния, бывшая союзницей Чехословакии по Малой Антанте. Переговоры о переброске советских войск через румынскую территорию шли практически с момента подписания советско-чехословацкого договора 1935 г. Однако препятствием служила позиция румынского правительства и короля (Кароля II. — *Прим. пер.*). Хотя румынские власти относились к советскому режиму не столь негативно, как руководство Югославии, никакого союзного договора с СССР они подписывать не собирались. Окружение короля и армейское командование воспринимали деятельность Коммунистического Интернационала как угрозу для Румынии [AMZV. TD 16/13...].

Тем не менее румынское руководство маневрировало. В начале февраля 1936 г. король Кароль поручил министру иностранных дел Н. Титулеску прозондировать почву на предмет заключения договора с СССР при условии, что Советский Союз принципиально откажется от претензий на Бессарабию [AMZV. PZ Bukurešť. 20.01.1936]. Румынское правительство вело речь о том, что в случае вступления советских войск на территорию Румынии (для оказания помощи Чехословакии), по окончании военной операции

Красная Армия ее полностью покинет¹. При этом в то время как в 1936–1938 гг. шли переговоры (в особенности между Литвиновым и Титулеску) о возможности транзита советских войск, румынское правительство публично заявляло, что не согласится на это ни при каких условиях [Ciano 's... s. 98–100]. вопросом о возможном прохождении советских войск через румынскую территорию в Чехословакию серьезно занимался и президент Бенеш, в том числе на встречах Малой Антанты (например, в июне 1936 г. в Бухаресте) [AMZV. TO/340/13.06.1936, cirkulární].

В какой-то момент король Кароль разрешил Титулеску провести переговоры в Москве о заключении пакта с СССР. Но здесь сказалась советская тактика. Москва высказала мнение, что не видит веских причин для заключения договора о союзе, и тут же заговорила о неких условиях. В числе прочего, с советской стороны прозвучал упрек, что Малая Антанта не меняется, не занимается политикой коллективной безопасности (хотя в случае с Чехословакией это было совсем не так). К сожалению, встреча в Праге президента Бенеша и короля Кароля в октябре 1936 г. не привела к решению, которое бы укрепило обороноспособность Чехословакии. А с ростом влияния князя Павла и пронемецких групп в Бухаресте Румыния все более склонялась к сотрудничеству с Третьим рейхом. Советское руководство, следившее за этими сдвигами, попыталось побудить Чехословакию активнее вести себя с румынским руководством. Об этом говорили как посол С.С. Александровский президенту Э. Бенешу в Праге, так и посол СССР в Великобритании И.М. Майский своему чехословацкому коллеге Я. Масарику в Лондоне [Masaryk...].

Чтобы быстро создать транспортную инфраструктуру, необходимую для перемещения войск, чехословацкое руководство решило внести финансовый вклад в строительство железнодорожной линии, соединяющей Чехословакию с Советским Союзом через Румынию. После длительных переговоров решение о форме чехословацкого финансового участия в строительстве железнодорожной линии Вишаул — Ватра Дорней, которая должна была связать Чехословакию с Советским Союзом к 1939/40 году, казалось достижимым. Чехословакия получила от Франции кредит на строительство железной дороги. Соответствующий протокол подписали 14 июля 1936 г., но строительство затянулось. в конце июня 1938 г. Чехословакия выделила дополнительные средства на возведение дороги. Идея постройки исходила от командования чехословацкой армии. По этой железнодорожной линии в случае необходимости Чехословакия могла бы получить помощь, дорога превратилась бы в своего рода коридор до СССР [Из разговора...]². Проект предусматривал также строительство новой железнодорожной ветки в Подкарпатской Руси (Закарпатье тогда входило в состав Чехословакии и называлось Подкарпатской Русью. — *Прим. пер.*), которая находилась бы вне зоны досягаемости венгерской артиллерии и располагалась бы подальше от границы

1 Нарком Литвинов также неоднократно обращался к этому вопросу в своих письмах к Александровскому. Александровский в дополнение к должности полпреда в Чехословакии в 1938 г. выполнял по совместительству эту роль и в Бухаресте. (*Прим. авт.*).

2 Румыния присоединилась к Чехословакии только двумя узкоколейными железными дорогами, которые не соответствовали потребностям военного времени (*Прим. авт.*).

с Венгрией¹. В сентябре 1938 г. до завершения строительства этой железной дороги было еще далеко. Имелись только автодороги, но они не были пригодны для большого количества моторизованных военных частей.

Возможность прохождения советских войск по территории Румынии постоянно наталкивалась на сопротивление определенных румынских кругов (включая короля Кароля), которое не смогли преодолеть ни чехословацкая, ни французская дипломатия. Не было прогресса и летом 1938 г. [Tejchman, s. 97–99] Из доступных документов следует, что Москва и Бухарест вообще не вели на высоком уровне переговоры о транзите советских войск.

В начале сентября 1938 г., когда тучи вокруг Чехословакии сгустились, Румыния продолжала тщательно избегать каких-либо заявлений о возможном проходе советских сухопутных войск через ее территорию. По данным как чехословацкого посольства в Бухаресте, так и тогдашней румынской прессы, на повестке дня стояли два регулярно обсуждавшихся вопроса: 1) как поведет себя Румыния, если дело дойдет до военного конфликта, и 2) пропустит ли она советские войска, идущие на помощь Чехословакии. Авторитетная ежедневная газета *Universul* от 5 сентября 1938 г. в передовой статье, автором которой был весьма сведущий во внешнеполитической сфере журналист, утверждала: «Во внешней политике мы должны следовать нашей традиционной линии, честно и реалистично исполнять наши дружеские и союзнические обязательства, взять на себя полную ответственность за всех тех, кто защищает свободу и независимость государства».

Вопрос, о котором в несколько общем виде, но весьма своевременно писала авторитетная газета, официально правительственными кругами не затрагивался. На конфиденциальном уровне он явно обсуждался более детально. Предполагаемая позиция правительства заключалась в том, что «Румыния имеет установленную политическую линию, определяемую обязательствами, вытекающими из Устава Лиги Наций и тесного сотрудничества с Чехословацкой Республикой, которое проявляется в тесном военно-промышленном сотрудничестве» [ibid, с. 99]. Эта интерпретация, также опубликованная в газете, должна была вызвать большое удовлетворение в Париже, но в румынском МИД ею были возмущены. Когда французский посол А. Тьерри посетил министра иностранных дел Н. Петреску-Комнена перед его отъездом в Женеву... тот был возмущен и собирался давать опровержение. И только после замечания корреспондента румынского информационного агентства *Radocu*, что опровержение давать опасно, ибо его могут истолковать как отказ от основополагающих начал румынской внешней политики, Петреску-Комнен отказался от своего намерения» [ibid].

В отношении прохода советских войск румынская дипломатия стремилась избегать однозначных высказываний. Так, сообщения из Таллина и Риги о том, что готовится соглашение между Советским Союзом и Румынией о транзите советских войск,

1 Работы по строительству дороги были начаты только на рубеже 1938–1939 годов, что было слишком поздно (*Прим. авт.*).

были молниеносно опровергнуты румынским МИД. Это было сделано после обращения поверенного в делах Германии, которого Петреску-Комнен заверил, что «такое разрешение не может быть дано, поскольку Советы еще не обосновались в Румынии» [Ibid]. Однако румынское руководство осознавало серьезность положения и с пониманием говорило о чехословацких интересах. Поэтому, когда Гитлер выступил 12 сентября 1938 г. с громкой речью против Чехословакии, министр внутренних дел Румынии А. Калинеску по собственной инициативе дал указание, чтобы «самые грубые оскорбления, которые Гитлер высказал в адрес президента и Республики (Чехословакии. — Прим. пер.), были раскритикованы в румынской прессе» [AMZV. Praha. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 13.09.1938]¹. Калинеску говорил также об опасности германской пропаганды. «Он заверил меня очень твердо, что является убежденным противником немцев и их политики» [Ibid], — свидетельствовал чехословацкий дипломат М. Крупка.

В те дни значительная часть румынского населения (особенно средние слои и рабочие) была довольно решительно настроена на борьбу «за безопасность Румынии и защиту Чехословакии» [AMZV. Politické zprávy (PZ) Bukurešť 1938, zpráva z 19.9.1938, č.j. 948/dův 1938], но это мнение дипломаты не брали в расчет. Чехословацкое посольство посетил ряд делегаций, выразивших Чехословакии поддержку. В письме к президенту Бенешу делегация румынского Союза ремесленников (*Generální liga řemeslníků — zaměstnavatelů*) отмечала: «Румынские ремесленники присоединяются ко всему цивилизованному миру, не одобряют и осуждают намерения подорвать единство государства и независимость чехословацкой нации с помощью террористических актов и моторизованных дивизий со свастикой на знамени» [Ibid].

На фоне таких актов народной солидарности чехословацкие дипломаты в отчете о встрече главы дипмиссии с премьер-министром и патриархом Румынии Мирном (Кристей) отмечали, «насколько ограничено эти симпатии находят отражение в политике» [AMZV. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 30.09.1938, č.j. 993/dův 1938. Politická zpráva č. 15]. В кульминационный момент кризиса чехословацкие дипломаты настойчиво искали поддержки. Но «члены румынского правительства на прямой вопрос о том, ведет ли Румыния военные приготовления, реагировали либо уклончиво, либо даже полностью отрицательно». При этом в том же отчете-говорилось о состоявшихся на той неделе «серьезных военных маневрах на румыно-венгерской границе, которые, несомненно, направлены против Венгрии»; о том, что по конфиденциальной информации «Румыния твердо нацелена на военные действия против Венгрии, если последняя нарушит нейтралитет», и что «Румыния в данном вопросе едина с Югославией» [Ibid]².

1 Чехословацкий поверенный в делах М. Крупка был принят министром внутренних дел Румынии Калинеску по делу отказа в выдаче разрешения на работу, чехословацким гражданам [AMZV. PZ Bukurešť 938/dův. 1938. Fol. 1–2].

2 В связи с этими сообщениями о приготовлениях румынской армии к защите своей территории следует помнить, что менее двух недель спустя, 12 октября 1938 г., министр обороны генерал Г. Аргесян и статс-секретарь военного ведомства А. Глац подали королю прошение об отставке.

20 сентября 1938 г. в ходе совместного ужина в Женеве нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов сообщил своему румынскому коллеге Н. Петреску-Комнену о решении поддержать Чехословакию на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б), но основными темами разговора стали отношение Югославии к Венгрии и политические препятствия для транзита советских войск через Польшу, а не переброска их через Румынию. Материалы последующих дней также не говорят о том, что последняя проблема обсуждалась на двустороннем уровне.

Дискуссия о «румынском коридоре» для прохода Красной Армии в Чехословакию получила широкий резонанс после выхода в свет книги Иржи Хохмана, в которой была опубликована записка, якобы написанная румынским министром иностранных дел Н. Петреску-Комненом и отправленная наркому М. Литвинову 24 сентября 1938 г. [Hochman, s. 194–201 (appendix C)] Согласно этому документу, Румыния собиралась принять сенсационное решение разрешить советским войскам воздушный и наземный транзит через свою территорию, чтобы помочь спасению Чехословакии. Однако подлинность этого документа пока не подтверждена [Hauer, *The Quest...* s. 41].

Разрешение на транзит советских войск, о котором писали некоторые авторы, скорее всего, является фальшивкой [См.: Hauer, *Zrada...*].

Но если бы даже возможность такого транзита политически существовала, воплотить ее в жизнь было бы сложно ввиду низкой пропускной способности и технического состояния румынской железнодорожной сети. В северной части страны она была очень слабо развита и совершенно непригодна для массового транзита войск с вооружением и обмундированием. Основные железнодорожные пути связывали Румынию с Венгрией и Польшей, но ни один из них не вел в Чехословакию. Не было прямой железной дороги, которая соединяла бы последнюю с Советским Союзом через румынскую территорию. Помимо прочего, транзит означал бы еще и необходимость менять колеса поездов с советской колеи (1524 мм) на румынскую (европейскую, 1435 мм), тогда как оборудования для такой смены колес на единственном советско-румынском пункте пропуска Тирасполь–Бендеры не имелось [Ibid, s. 567].

Москва, похоже, всерьез и не рассматривала транзит по румынской территории — только по «польскому коридору». Однако более решительная попытка осуществить этот вариант создала бы прямую угрозу советско-польского конфликта, с тяжелейшими для Москвы последствиями. В той международной обстановке СССР, скорее всего, назвали бы агрессором, и ему вероятно пришлось бы столкнуться с коалицией враждебных государств, чего Сталин всегда тщательно избегал [Ragsdale *The Munich...* s. 614–617; Ragsdale *Soviet...*].

В конечном счете в вопросе о транзите через Румынию возобладали интересы румынских правящих кругов. Летом 1938 г. Румыния начала сложную дипломатическую игру, в ходе которой она тяготела к поддержке Чехословакии в сохранении ее целостности, что соответствовало и румынским интересам. Тем самым Румыния главным образом отвечала на венгерские территориальные притязания, и вполне вероятно, что если

бы имелась резолюция Лиги Наций, где Чехословакия была бы названа жертвой, то это подтолкнуло бы Румынию разрешить Красной Армии пройти через свою территорию на помощь Чехословакии [Tejchman, s. 98]. Косвенным доказательством сдвига в этом направлении стало благожелательное отношение румын к пролету в Чехословакию советской авиации. Несмотря на резкие протесты Польши, уже весной 1938 г. Румыния разрешила пролет 20, а летом еще 40 самолетов СБ-2, приобретенных Чехословакией у СССР¹.

Оценка поведения СССР

Шаги, предпринятые Советским Союзом в сентябре 1938 г., были очень осторожными и осмотрительными. Москва выразила полную поддержку Чехословакии, готовность оказать военную и другую помощь, но при условии, что союзный договор 1935 г. будет выполнен полностью и в первую очередь Францией. Поведение Парижа, которое стало наихудшим сценарием для Чехословакии, освободило в итоге Москву от всех ее обязательств. Несмотря на масштабные военные учения, предоставление советской военной помощи было нереально из-за позиций, занятых Польшей и Румынией, и СССР не предпринял никаких действий для обеспечения прохождения своих войск. Дипломатическая ситуация в последние дни сентября 1938 г. сложилась в пользу того, чтобы СССР не предпринимал попыток в этом направлении.

Совершенно очевидно, что Сталин в той системе отношений действовал таким образом, чтобы избежать втягивания СССР в одностороннюю войну, хотя, несомненно, он (как и раньше, в случае Испании и Китая) имел интерес остановить агрессора. Представляется, что Сталин был готов вместе с Великобританией, Францией и их союзниками предпринять коллективные действия, вплоть до войны против Германии, которую в долгосрочной перспективе считал потенциальным противником. Предпринятые Москвой в 1938 г. масштабные мобилизационные меры были всерьез восприняты как подготовка к таким коллективным действиям. Крупные маневры на западной границе СССР служили одновременно предупреждением Польше. Однако заставить польское правительство допустить прохождение советских войск через польскую территорию, как и летом 1939 г., можно было только с помощью западных государств. Сталин также стремился к непосредственному участию СССР в международных переговорах по европейскому кризису, однако Великобритания и Франция встречного желанья не проявили. В конце концов еще подписание «Пакта четырех» в 1933 г. никак не свидетельствовало о готовности допустить СССР до совместного принятия решений по европейским вопросам, если речь не шла о Лиге Наций.

Сталин занял очень сдержанную позицию, которую Москва, по-видимому, избрала в соответствии со своей новой внешнеполитической установкой, которая была изложена М.М. Литвиновым послу С.С. Александровскому в конце марта 1938 г. «Моя декла-

¹ Речь идет о скоростных бомбардировщиках (в советской классификации СБ-2, в чехословацкой В-71) грузоподъемностью до 600 кг (Прим. авт.).

рация¹, — сказал тогда нарком, — вероятно, является последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе. Аншлюс уже обеспечивает Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии» [Письмо М.М. Литвинова... 28.03.1938. См. также: Случ, с. 162].

Литература

- Архив министерства обороны (АМО) РФ. Ф. 19а. Оп. 663. Д. 1. Л. 48.
Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XXI. Д. 82. С. 128–129.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Д. 324. С. 470.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Док. 357. С. 501.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Док. 368. С. 519.
Дело так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
Доклад наркома обороны СССР и начальника РККА в ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. // 1941 год. Документы. Кн. 2. М. 1999.
Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 3. Док. 341. М. 1978.
Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1939 гг. М. 1979.
Записка начальника генштаба Красной армии наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР // 1941 год. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин. М. 1998. Док. № П11.
Запись беседы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. 19.09.1938 // Архив внешней политики (далее АВП) РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 67–68.
Запись разговора С. Александровского с Э. Бенешем. 19.08.1933 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33, Д. 98. Л. 50.
Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М. 1989.
Из разговора посла Александровского с начальником экономического отдела Министерства иностранных дел ЧСР Й. Фридманом. 31 августа 1936 года. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 116. Л. 45–43.
Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
История второй мировой войны в 12-ти томах. М. 1973–1982.
Карли М. Дж. Только СССР имеет... чистые руки: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 гг.) // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 44–81.
Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 — середина 1930-х гг.). М.О.Г.И. 2008.
Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. М. 2006.

1 Речь шла о заявлении М.М. Литвинова, которое 17 марта 1938 г. было опубликовано в печати в качестве ноты для МИД Франции, Великобритании, Чехословакии и США. В числе прочего, он обратил в нем внимание на то, что над Чехословакией нависла угроза, и призвал к совместным действиям, чтобы остановить агрессию против нее. (Прим. авт) [ДВП. XXI. Д. 82, с. 128–129]

- На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). М. 2008.
- Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. М. 2007.
- Нарочницкая Н.А. Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну. М. 2009.
- Письмо заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина И.В. Сталину 20 сентября 1938 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 47. Особая папка.
- Письмо М.М. Литвинова С.С. Александровскому. 28.03.1938. // АВП РФ. Ф. 0138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 17.
- Письмо М.М. Литвинова С.С. Александровскому. 11.08.1938 // АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 53–54.
- Разговор М.М. Литвинова с С.С. Александровским. 18.05.1938 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 168. Л. 20.
- Решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 13 сентября — 26 октября 1938 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Протокол № 64 (Особая папка).
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. (Особая папка).
- Решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 13 сентября — 26 октября 1938 г. Протокол № 64 // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. 64/54. Л. 5–6. (Особая папка).
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46. Особая папка.
- Случ С.З. Польша в политике Советского Союза // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия. М. 2001. С. 156–190.
- Телеграмма И.В. Сталина С.С. Литвинову. 22.09.1938 // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 63. Д.70. Л.126.
- Archiv kanceláře prezidenta republiky (AKPR). D 9800/1457/38.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí. (AMZV). Praha. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 13.09.1938. AMZV. Praha. TD 1938. . 857/38 (originál).
- AMZV. Politické zprávy (PZ) Bukurešť 1938, zpráva z 19.9.1938, č.j. 948/dův 1938.
- AMZV. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 30.9.1938, č.j. 993/dův 1938. Politická zpráva. č. 15. AMZV. PZ Bukurešť. 20.01.1936.
- AMZV. PZ Moskva. 1938. č. 119 (kopii).
- AMZV. TD 1038. №. 830/38; 845/38.
- AMZV. TD 16/13.01.1936 z Bukurešti.
- AMZV. TO/340/13.06.1936. Cirkulární.
- Audience u p. presidenta republiky 19.09.1938 // Národní archiv, f. Presidium ministerstva vnitra (NA, f. PMV). F. 225. Sl. 3. Fol 121.
- BBC Broadcast. 27. September 1938.
- Beneš E. Mnichovské dny. Praha. 1968.
- Beneš E. Mnichovské dny. Praha. 1968.
- Beneš E. Paměti. Mnichovské dny / Editor Hauner M. Praha. 2018.
- Ciano 's diplomatic papers. London. 1948.
- DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 649. S. 342.
- DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 674. S. 365
- DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 625. S. 322–323.
- Dějiny druhé světové války 1939–1945. Sv. 2. Praha. 1978.
- Dejtek J. Eduard Beneš a fenomén Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. LXXXVII. № 2. S. 165–188.

- Dejmek J.* K československo–sovětským politickým vztahům ve druhé polovině třicátých let (Kritické úvahy nad monografiemi Ivana Pfaffa a Igora Lukeše) // *Český časopis historický* (ČČH). 97/1999. 1. S. 80–105.
- Dejmek J.* K československo–sovětským politickým vztahům ve druhé polovině třicátých let (Kritické úvahy nad monografiemi Ivana Pfaffa a Igora Lukeše) // *Český časopis historický*. 97/1999. № 1. S. 80–105.
- Dokumenty a materiály k dějinám československo–sovětských vztahů (далее DMČSSV). Díl 3 (červen 1934 — březen 1939). Praha 1979. Dok. č. 352. S. 566–568.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. S. 581–582.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 369. S. 581–582.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 374. S. 588–589.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. 341. S. 554–555
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. 354. S. 566–567.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 341. S. 341–342.
- Dopis H. Ripky E. Benešovi 20.9.1938* // Archiv Ústavu Tomáše Garrigua Masaryka (AÚTGM). F.E. Beneš, II, kr. H. Ripka.
- Erickson J.* The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany. London. 1993.
- Friedl J.* Na jedné frontě. Vztahy československé a polské armády za druhé světové války. Praha. 2005.
- Haslam J.* The Soviet Union and Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. London. 1984.
- Hauner M.* The Quest for the Romanian Corridor: The Soviet Union, Romania and Czechoslovakia during the Sudeten Crisis of 1938. Hauner, Milan // *Mythos München = Le mythe de Munich = The myth of Munich*. München. 2002. S. 39–77.
- Hauner M.* Zrada, sovětizace, nebo historický lapsus? Ke kritice dvou dokumentů k československo — sovětským vztahům z roku 1938 // *Soudobé dějiny*. 1999. č. 4. S. 545–571.
- Heidrich A.* Zahraničně-politické příčiny Mnichova // *Pejskar J. a kol. Poslední pocta*. Sv. 1. Curych. 1982.
- Hochman J.* The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934 — 1938. Ithaca. 1984.
- Ježek F.* Z paměti o mnichovské krizi 1938 // *HaV*. 1969. S. 674–701.
- Král V.* Dny, které otřásly Československem. Praha. 1979.
- Litera B.* Sovětská armáda a „velký teror“ 1937–1938 // *Litera B. a kol. Formování stalinského mocenského systému*. Praha. 2003.
- Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu. Praha 1999.
- Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu. Praha. 1999.
- Lvová M.* Mnichov a Edvard Beneš. Praha. 1968.
- Masaryk Kroftovi 28.11.1936 // Archiv ministerstva zahraničních věcí MZV. Kabinet č. 5197.
- Newton z Prahy 21.9.1938 v 20:50 // National Archives (London), Foreign Office. 371–21 740.
- Nóta vlády ČSR vládám Francie a Velké Británie o přijetí anglo–francouzského plánu na řešení sudeto–německé otázky. 21. září 17.00 // *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938 (DČSZP)*. Praha. 2001. Díl 2. Dok. č. 664. S. 359–360.
- Nové dokumenty k historii Mnichova. Praha 1958. Dok. č. 389. S. 84.
- Pfaff I.* Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende. Köln–Weimar–Wien. 1996.

- Pfaff I.* Sovětská zrada. 1938. Praha. 1993.
- Prime Minister on the Issues // *The Times*. 28. September. 1938.
- Prohlášení a záznam rozhovoru Potěmkina a Jankovského 23. 9. 1938 // *ДВП*. XXI. Dok. č. 366. S. 516; dok. 367. S. 516–517.
- Protokol o mř. schůzi ministerské rady, konané dne 21. září 1938 o 6. hodině ranní v předsednictvu ministerské rady // Národní archiv, f. Presidium ministerské rady (NA, PMR). Fol. 776.
- Ragsdale H.* The Munich Crisis and the Issue of Red Army Tranzit Across Romania // *Russian Rewiev*. Vol. 57. No. 4 (October 1998).
- Ragsdale H.* Soviet Military Preparations and policy in the Munich Crisis: New Evidence // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 47 (1999). H. 2. S. 210–226.
- Record of Anglo-French Conversation held at No. 10 Downing Street on September 18, 1938 // *Documents of British Foreign Policy* (dále DBFP). III ser. Sv. 2. Dok. č. 928. S. 373–399. London 1949.
- Roberts G.* The Soviet Union-and the Origins of the Second World War. Russo-German Relations and the Road to War. N.Y. 1995.
- Tejchman M.* Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá dohoda // *Slovanské štúdie*. Sv. 12 (1971).
- Telegram Fierlinger z Moskvy 15. září 1938 // *AMZV*, Telegramy došlé (TD). № 798/38.
- Telegram S.S. Alexandrovského lidovému komisariátu zahraničí z 19.09.1938 // *Nové dokumenty k historii Mnichova*. Praha. 1958. Dok. č. 36. S. 80–81.
- Tuchačevskij M.N.* Vybrané spisy. Praha. 1966.
- Vojenské dějiny Československa. III. díl (1918 — 1939). Praha. 1987.
- Voráček E.* Kulminace československo-sovětských vojensko-technických kontaktů a obchodů v období 1937–30. IX. 1938 // *Slovanské historické studie*. 1988. S. 120–139.
- Wieczorkiewicz P.* Lanciuch smierci. Czystka w Armii Czerwonej, 1937–1939. Warszawa. 2002.
- Záznam Krofty o noční demarši vyslanců Velké Británie a Francie, 21.09.1938 // *AMZV*. Praha. Kroftův archiv. Kart. 3. Strojopis.
- Záznam o rozhovoru K. Krofty se S. S. Alexandrovským 03.09.1938 // *AMZV*. Praha. Kroftův archiv. Kart. 3.
- Zgorniak M.* Europa v przedeniu wojny. Situacja-militarna w latach 1938–1939. Krakow. 1993.
- Zprávy britského vyslance Sofia 8. 11. a 15.10.1938 // *National Archives* (London). Foreign Office 371–21 778.

Перевод Вадима Трухачёва